

ОН — ШТОРМ.
ОНА — ЕГО СВОБОДА
ИЛИ ЕГО ГИБЕЛЬ.

СЛЕЗА ОКЕАНА

— ЛЮБОВЬ, РОЖДЕННАЯ ШТОРМОМ —

VALENTINA REDA

Валентина Реда

Слеза океана. Пленница капитана Рейвена

<https://litres.ru/74175939>

SelfPub; 2026

Аннотация

Море не хранит тайн дольше одного шторма.

В ночь, когда принцесса Аурелия должна навсегда отказаться от свободы ради политического брака, во дворец врываются пираты. Их предводитель — легендарный капитан Деймон Рейвен, человек, которого одни считают чудовищем, а другие — последней надеждой.

Похищение становится началом опасного путешествия по морям, где древняя богиня хранит память обо всех клятвах, любовь требует высокой цены, а прошлое способно разрушить будущее. Чтобы обрести себя, Аурелии придется сделать выбор между долгом и свободой, а Деймону — встретиться с призраками собственной судьбы.

Романтическое фэнтези о любви, свободе и море, которое никогда не забывает.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Ночь, которая должна была стать последней свободной	6
Глава 2. Ночная Тень	13
Глава 3. Свет луны	16
Интерлюдия — Двадцать лет проклятия	20
Глава 4. Порт Разбитых Клятв	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валентина Реда

Слеза океана. Пленница капитана Рейвена

Глава

Море не награждает сильнейших. Оно показывает, кто они есть на самом деле.

— Эльмарская поговорка моряков

Пролог

Море не хранит секретов дольше одного шторма. Оно берёт то, что ему бросили, переворачивает в темноте — и выплёвывает обратно на песок ровно тогда, когда ты перестал этого ждать.

Двадцать лет назад в водах архипелага Эльмара пропал корабль «Кровавый Прилив» — вместе со всей командой. Одни винили шторм. Другие шептались о мятеже. Правду знали только двое — тот, кто предал, и тот, кого оставили умирать. Один стал легендой, из-за которой капитаны меняли курс, лишь бы не рисковать в его водах. Другой стал чем-то похожим на призрака — с медальоном на груди и двадцатью годами между собой и украденной жизнью.

Моряки во всех портах от Санделии до Порта Разбитых Клятв давно научились не произносить это имя громче шёпота — не столько из страха перед человеком, хотя и этого было достаточно. Дело было глубже. Тот особый эльмарский инстинкт, что говорит: долг, названный слишком громко, привлекает внимание Реестра прежде, чем тот готов его взыскать, — и что-то в звучании этого имени всегда казалось любому, кто провёл жизнь на воде, похожим на счёт, который так и не был закрыт до конца.

Никто не мог предположить, что конец этой истории начнётся не в открытом море, а в бальном зале Санделии — в ту самую ночь, когда принцесса Аврелия должна была вслух, при свидетелях, потерять последний обрывок своей свободы.

Глава 1. Ночь, которая должна была стать последней свободной

Позже Аврелия поймёт: ночь, когда закончилась её прежняя жизнь, была и той ночью, когда началась настоящая. Пока же она этого не понимала. Стоя на краю собственного бала в честь помолвки, под тремя сотнями свечей, жгущих кожу сквозь шёлк, она понимала лишь одно — арифметику момента: остался час, в течение которого кто-то в этой комнате ещё будет утруждать себя вопросом, чего она хочет. После — никто.

Никому не пришло в голову сказать слугам, что триста огней — это чересчур. Она чувствовала тяжесть чужих взглядов даже сквозь ткань — особый жар, с которым целый двор разом решал, что думать о её лице.

— Улыбайся, — прошептала Аннет, поправляя складку белого атласа, что стоил больше, чем большинство рыбаков королевства видело за год. — Лорд Уитмор смотрит.

Аврелия улыбнулась. Улыбка вышла безупречной — итог целой жизни практики, освоенный так же, как другие девушки осваивают вышивку: стежок за стежком, пока даже она сама не перестала находить швы.

— Можно спросить тебя кое-что странное? — тихо сказала Аннет, всё ещё держа веер поднятым между ними и

остальным залом.

— Всегда можно.

— Ты когда-нибудь жалеешь, что родилась не где-то ещё? Не в другом сословии. Просто — где-то ещё. Там, где тебе позволили бы решить, кто ты, прежде чем кто-то другой решит это за тебя.

Аврелия не ответила сразу, потому что честный ответ казался слишком большим для бального зала, и потому что она не была уверена, стоя там, что сама его ещё знает.

— Каждый день, — сказала она наконец и опустила веер прежде, чем Аннет успела попросить объяснить, что она имела в виду.

Лорд Персиваль Уитмор стоял у трона, круглый и самодовольный, погребённый под таким плотным золотым шитьём, что казался предметом мебели, случайно отбившимся от тронного зала. Через час она произнесёт слова, что свяжут её с этим человеком на всю оставшуюся жизнь. Не любовь. Арифметика, наряженная в свадебное платье. Отцу нужны были зерно и кавалерия герцогства больше, чем счастливая дочь, — она знала счёт этому не хуже него самого, подслушав через неплотно прикрытую дверь: без этого брака не будет ни урожая, ни армии, ни границы.

Одиннадцать лет наставников готовили её именно к такой полезности. Четыре языка. Этикет трёх соседних дворов. Достаточно торгового права, чтобы поправлять собственных министров отца, — что она по-прежнему делала регулярно,

к их тихой ярости. Ничего из этого, как она поняла ещё в детстве, не предназначалось для того, чтобы сделать её способной. Это должно было сделать её декоративной и полезной в одном дыхании — различие, которое никто при дворе так и не удосужился заметить, тем более в её пользу.

— Тебе не обязательно быть счастливой, — сказал ей вчера отец, глядя на карту торговых путей, не на неё. — Тебе достаточно быть благоразумной.

Она сжала веер так, что почувствовала, как рёбра из слоновой кости впиваются в ладонь. Она сжимала его так же и сейчас — весь этот золочёный зал был клеткой, построенной так аккуратно из долга и хороших манер, что большинство дней она не могла найти прутья, только позолоту, что их покрывала.

Позади неё двое придворных пропили себя достаточно, чтобы забыть, как далеко разносятся голоса.

— Три торговых судна захвачены у Вдовьих Ворот за месяц. Слышал?

— Говорят, это Рэйвен.

— Невозможно. Флот повесил Рэйвена одиннадцать лет назад, у мыса Скорби. Я сам видел листовку.

— Тогда молись, чтобы это был не Рэйвен. Кто бы ни брал эти суда, он дерётся точно так, как в легендах — никто не пострадал, ничего не тронут, кроме того самого, за чем пришли, и снова исчезает прежде, чем военный корабль успеет выйти из гавани. Это не пиратство. Это человек, которому

ни разу не понадобилась удача.

Восс, капитан её стражи, оказался у её локтя ровно настолько, чтобы сказать то, что явно не предназначалось для пьяных придворных.

— Ваше высочество. Если сегодня что-то пойдёт не так — не ищите меня среди тех, кто дерётся. Ищите меня рядом с собой, вытаскивающим вас отсюда. Некоторые люди в этом мире не стоят стали — спасайте то, что важно, и пусть остальное разбирается само. — Он исчез прежде, чем она успела спросить, что именно, по его мнению, может пойти не так на её собственном свадебном балу, и почему его голос упал до той плоской, осторожной интонации, что она слышала от него лишь однажды прежде — на той неделе, когда северные деревни перестали отвечать патрулям.

Долго размышлять об этом не пришлось. Уитмор уже пересекал зал, и через час она станет его — и эта особая тяжесть, не разбитое сердце, она была слишком хорошо вышколена, чтобы называть это так, — придавила её сильнее, чем любая корона, которую ей ещё только предстояло надеть.

Потом сквозь музыку прогремел выстрел.

Не салют. Он рвал воздух так, как рвётся парус в шторм — неправильно, внезапно, окончательно. Толпа ахнула единым вздохом, и прежде чем звук отгремел под потолком, высокие окна взорвались внутрь градом стекла. Не взрыв. Люди. Чёрные плащи, слетающие вниз на канатах, обрезанных

с крыши с лёгкостью чего-то, отрепетированного сотню раз.

— Пираты! — Слово пронеслось по бальному залу, как огонь по сухому селу.

Они не грабили. Именно эта деталь зацепила сознание Аврелии даже сквозь панику — черноплáщие люди двигались через зал, где золота хватило бы на выкуп герцогства, и ни один не взглянул в его сторону. Вместо этого они расфокусировались с терпением людей на сороковой репетиции, разоружая стражу без убийств, оттесняя придворных к стенам вместо того, чтобы рубить их. Один остановился лишь затем, чтобы подхватить падающую в обморок пожилую даму и бережно усадить её в кресло, прежде чем двигаться дальше. Кто бы ни командовал этим налётом, он послал не воров. Он послал команду с одной конкретной целью — и дисциплиной людей, точно знающих, что случится с ними, если они от неё отклонятся.

Потом от разбитого окна второе слово последовало за первым — тише, но оно пересекло зал быстрее крика. Настоящий страх всегда движется тише паники.

— Рэйвен.

— Он мёртв, — настаивал кто-то, голос срывался. — Флот повесил его у мыса Скорби...

— Тогда молись, чтобы тот, кто лезет сейчас в окно, был очень убедительным призраком.

Имя никто не произнёс громче шёпота. Аврелия запомнит это дольше почти всего остального в ту ночь — взрос-

лые мужчины, что держались под огнём, вздрагивали от одного тихого слова, так, как моряки вздрагивают от погоды, которую чувствуют прежде, чем небо потрудится измениться. Она нашла взглядом Восса через весь зал, сталь уже наголо, и увидела, как он делает то, чего она ни разу не видела за одиннадцать лет его службы, — колеблется, взвешивая комнату, а потом поворачивает, намеренно, не к налётчикам, а к ней. Точно как обещал.

Рука — слишком мягкая для того, что делала, — сомкнулась на её талии и утащила её за мраморную колонну ровно в тот миг, когда дворцовая стража открыла ответный огонь.

— Тихо. — Голос у самого её уха был низким, с той особой насмешкой человека, что командует штормами и находит бальные залы забавными по сравнению с ними. — Закричите — и ваш жених получит пулю раньше, чем доест свой пирог.

Она обернулась и увидела лицо, которое половина зала минуту назад клялась принадлежащим мертвецу, — загорелая кожа, шрам через бровь, глаза цвета штормового моря, решающего, быть ли ему спокойным. Рот, созданный для неприятностей, и абсолютно, возмутительно живой.

— Кто вы?

— Капитан Дэймон Рэйвен. — Он склонил голову, будто их представляли на садовом приёме, а не посреди горящего бального зала. — А вы, ваше высочество, отправляетесь со мной.

— Я никуда не пойду с пиратом.

— Все в этом зале, — сказал он, глядя мимо неё на своих людей, отступающих к разбитому стеклу, — всегда были лучше в рассказывании историй, чем в их проверке. Сегодня я сделаю исключение из своего правила насчёт добровольных дам и всё равно вас заберу.

Он перекинул её через плечо — без всякой церемонии, как мешок муки, который уже опаздывал доставить, — и побежал к верёвке. Она закричала и вцепилась в его спину, и это не дало ровным счётом ничего: его рука была якорной цепью, а рёв боя проглотил её голос целиком.

Последнее, что она увидела прежде, чем ночь поглотила её целиком, — лицо отца, белое от того, что могло быть, наконец, настоящим страхом. Восс, на полкомнаты дальше, чем нужно, с опущенной саблей, делающий в точности то, что обещал, и не больше. И медальон на груди пирата, поймавший свет горящих гобеленов, — тот самый, что она всегда носила спрятанным под платьем, тот, что, как она была уверена, никто прежде не видел.

Глава 2. Ночная Тень

Она очнулась от качки и запаха соли, дыма и старой пеньки.

Каюта оказалась маленькой и, вопреки всем ожиданиям, опрятной — узкая койка, стол, заваленный картами, полка книг, зачитанных не по одному разу. На одной стене висела сабля. Рядом — старый портрет, потемневший от времени лак, женщина с точно такими же серо-зелёными глазами, как у её похитителя. На столе, прижатый использованной пистолетной пулей, лежал потрёпанный гроссбух: каждая страница разлинована на узкие колонки, заполненные убористым, одержимым почерком — имена, даты, небольшие суммы, редкие короткие пометки. *Джонас — новый протез для ноги, Кабо. Оплачено. Роза — крюк заточен, риф Фенна. Ещё должен. Фитч — ничего. Пока не отработано.*

Дверь отворилась без стука.

— Вы очнулись. — Рэйвен вошёл с подносом. — Хорошо. Не люблю, когда мои пассажиры голодают.

— Пассажиров не держат под прицелом оружия, капитан.

— Верно. — Он сказал это так, как согласился бы, что погода меняется. — Но пассажиры и не уходят с амулетом, который человек искал двадцать лет.

Это пробилось сквозь её страх достаточно, чтобы вспыхнуло что-то похожее на негодование.

— Я ничего не крада. Этот медальон принадлежал моей матери. А до неё — моей бабушке.

— Именно. — Что-то тёмное скользнуло за его взглядом. — Он принадлежал королевской крови Эльмары ещё до того, как ваша бабушка сделала первый вдох. И это единственная вещь на земле, способная снять проклятие с моей команды.

— Проклятие. — Она рассмеялась — коротко, недоверчиво. — Так вот чем была сегодняшняя ночь? Детской сказкой?

Он поставил поднос так резко, что чашка звякнула о блюде.

— Поднимитесь на палубу в полночь, ваше высочество. Посмотрите на моих людей при лунном свете. Тогда скажите мне, что это сказка.

Её взгляд, помимо воли, вернулся к грессбуху. — Что это?

— Каждый долг, который я должен, и каждый долг, что должны мне, с того дня, как Джонас вытащил меня из воды. — Он сказал это без смущения, как другой мужчина описал бы привычку молиться. — Не люблю быть кому-то должным то, что не нашёл способа вернуть. Спросите Джонаса. Спросите Розу. Спросите любого на борту, кто хоть раз пытался оказать мне услугу без моего разрешения. — За словами мелькнуло что-то, что не было гордостью. — Обычно это называют добродетелью. Не всегда ею является.

В последующие недели она узнает, насколько далеко эта

привычка может свернуть в нечто более жёсткое — в первый раз, когда она увидела, как он отказал в милосердии голодающему торговцу, простившему бы долг любому другому, потому что этот человек когда-то обманул Джонаса на сезонное жалованье, — холодный и непреклонный так, что это испугало её больше любого пиратского насилия. *Одни долги прощаются*, сказал он ей позже, когда она спросила его об этом. *Этот не будет одним из них, и я не стану притворяться иначе, лишь бы понравиться тебе больше.* Именно тогда, подумала она про себя, она впервые увидела форму того, что делало его опасным — не сабля, не репутация, а тот особый, нестигаемый расчёт, который он держал в голове насчёт того, что людям причитается и на что они лишились права.

Глава 3. Свет луны

Она не собиралась подчиняться. Любопытство, к несчастью, оказалось громче гордости.

В полночь, завёрнутая в плащ, найденный сложенным на стуле, Аврелия выскользнула на палубу «Ночной Тени». Корабль резал воду, как что-то заточенное, — чёрные паруса, тёмное дерево, носовая фигура женщины, застывшей на середине крика, с волосами, летящими назад.

Она нашла Джонаса на носу — он шурился на карту, наполовину освещённую задвинутым фонарём, раздражённо бормоча о течении, которое вело себя не так, как обещали записи его деда.

— Вы читаете её неправильно, — сказала она прежде, чем окончательно решила заговорить.

Брови Джонаса взлетели вверх. — Прошу прощения, ваше высочество?

— Вон то перекрёстное течение. — Она коснулась карты, стараясь не задеть чернила. — Эта отметка — не опасность, это сезонная линия сноса. Мои учителя пользовались почти такими же картами для уроков торговых путей. В это время года течение идёт на целый румб восточнее базовой линии. Вы боретесь не с плохой водой, вы боретесь со старой картой.

Джонас долго изучал её, что-то пересчитывая за обветренным лицом. — Принцесса, которая правильно читает карту

течений. Не ожидал такого умения под всем этим дворцовым шёлком.

— Принцесса, которую учили четырём языкам и десятку лет торгового права и ни разу не спросили, для чего это всё может пригодиться, — до сегодняшней ночи. — Она сказала это резче, чем собиралась, удивившись собственной горечи. — Оказывается, пригодиться может для многого, когда кто-то наконец позволяет использовать это для чего-то, кроме впечатления послов.

Джонас хмыкнул — она уже понимала, что это считалось у него высшей похвалой, — и потянулся поправить курс корабля на целый румб восточнее. Именно в середине этого обычного, благодарного движения луна наконец вышла из-за последней гряды облаков, и Аврелия впервые увидела, что свет делает с ним. Днём он был обычным обветренным мужчиной с добрыми глазами и хромотой на левую ногу. Теперь его кожа стала прозрачной, как вода, и сквозь неё проступали очертания костей — не скелет. Нечто застрявшее между человеком и собственной тенью.

Она зажала рот ладонью, не дав крику вырваться наружу. — Теперь верите?

Она обернулась. Рэйвен тоже выглядел иначе, хотя и меньше — вдоль предплечья, там, где закатанный рукав обнажал кожу, что-то мерцало серебристо-голубым, будто его кровь начала водить компанию с морем.

— Что с вами случилось?

Он не ответил сразу. Вместо этого он смотрел на воду, будто она была ему что-то должна.

— Вы держите грессбух в своей каюте, — сказала Аврелия. — Это моряцкая привычка, или только ваша?

— Каждый моряк в Эльмаре ведёт его — в голове, если не на бумаге. Мы называем это Реестром Прилива — старое поверье, что море помнит каждый долг, каждый дар, каждую кражу, до последней монеты, и рано или поздно взыскивает всё, в своё время и в своей монете. Здесь моряки не говорят «удачи» перед плаванием. Мы говорим «пусть Реестр прочтёт тебя благосклонно». Капитан, умерший, задолжав больше, чем выплатил, хоронится на корме, а не как положено — в море. Старое суеверие гласит, что Реестр не понесёт душу должника мимо рифа, и она будет прибиваться обратно к берегу, пока кто-нибудь не выплатит то, что он был должен. — Он сказал это просто, как человек, повторяющий то, в чём давно перестал сомневаться. — Двадцать лет назад я был первым помощником на корабле «Кровавый Прилив». Моим капитаном был человек по имени Малкольм Вейн. Мы нашли остров, где морская богиня хранила нечто священное — жемчужину. Не сокровище. Дар, однажды отданный свободно, задолго до нашего с ним рождения. Вейн всё равно украл её. И Реестр взыскал с целой команды — включая тех из нас, кто пытался его остановить.

— Значит, проклятие — это то, как море взыскивает долг.

— Проклятие — самая суровая запись Реестра. Большин-

ство долгов оплачивается обычной монетой или обычным горем. Но укради напрямую у богини, что хранит саму воду, — и Реестр не пришлёт счёт. Он переписывает то, чем ты являешься, пока долг не будет выплачен до последней капли. — Его челюсть напряглась. — Моряки отмечают годовщину плохого долга так же, как отмечали бы смерть — чёрный флаг поднимают ровно на час на рассвете, без единого слова, потому что старое поверье гласит: произнести долг вслух до того, как он выплачен, лишь заставляет проценты Реестра расти. Я поднимал этот флаг каждый год двадцать лет подряд и ни разу не сказал команде почему — до сегодняшней ночи.

— А мой медальон?

— Легенда гласит: «Слеза Океана» в сочетании с кровью королевской линии Эльмары — единственная запись, способная закрыть счёт целиком, единственный платёж, достаточно большой, чтобы разом погасить весь долг, вместо того чтобы выплачивать его по крупичкам год за годом. Ваша бабушка отказала моему деду. Она боялась церкви, боялась самого слова «колдовство». Мы искали другой способ двадцать лет. — Его челюсть снова напряглась. — Не нашли.

— Значит, я была для вас не только медальоном.

Что-то изменилось в его лице — насмешка исчезла, сменившись обычной усталостью человека, слишком долго носившего груз, чтобы помнить, каково это — без него.

— Вы нужны мне, ваше высочество. Живая. С бьющимся сердцем. Не фамильная драгоценность на цепочке.

Интерлюдия — Двадцать лет проклятия

I. Мальчик с «Кровавого Прилива»

Двадцать два года назад восемнадцатилетний юноша с дедовской тетрадью в заплечном мешке стоял на причале Санделии и смотрел на корабль, который вот-вот разрушит его жизнь.

«Кровавый Прилив» тогда ещё не был проклят. В те дни это был быстрый, статный капер, ходивший под королевским патентом, а его капитан, Малкольм Вейн, — тридцатипятилетний, обаятельный и удачливый в бою так, как иные удачливы в картах, то есть вовсе не удачливый, просто никто не понял этого вовремя.

— Твой дед был хорошим человеком, — сказал Вейн, когда Дэймон поднялся на борт с рекомендательным письмом в кулаке. — Безумным, как чайка, гонялся за картами в никуда. Но хорошим. Посмотрим, унаследовал ли ты безумие. Или только хитрость.

Дэймон провёл первые месяцы, драя палубу и терпя насмешки за неумело завязанные узлы. Что у него было такого, чего не было ни у кого другого на борту, — так это дедова тетрадь: убористый почерк, наброски созвездий и легенда, которой старшие матросы пугали новичков, отваживая их от

южных рифов, — о морской богине Тайре и жемчужине, что была не сокровищем. Она была сердцем самого океана.

II. Тетрадь Эразмуса

Дед Дэймона провёл половину жизни в поисках этого острова — не из жадности, а из особого упрямства учёного, который очень хотел оказаться правым. Он нашёл его однажды, за сорок лет до рождения Дэймона, и Тайра приняла его как гостя, а не как вора. Она рассказала ему о жемчужине. О проклятии, ожидающем всякого, кто возьмёт её силой. И о единственном безопасном способе, которым та могла покинуть остров, — с её благословения, в обмен на дар равного веса, и с кровью королевской линии Эльмары, скрепляющей обмен.

Он принёс это к юной королеве Изольде — бабушке Аврелии — и попросил её обменять свою кровную линию на покровительство богини.

Она велела увести его от двора прежде, чем он договорил. — Уберите этого безумца с его языческими баснями с моих глаз, — сказала она стражникам.

Эразмус умер годы спустя, так и не убедив ни одной живой души — кроме одного внука, который читал его тетрадь при свечах и верил каждому слову.

III. Курс на безымянный остров

Дэймону понадобилось два года, чтобы набраться смелости показать тетрадь Вейну, и он выбрал для этого наихудший момент — команда только что потеряла добычу из-за

предательства осведомителя, казна была пуста, а долги Вейна в Порту Разбитых Клятв росли быстрее, чем кто-либо на борту хотел признавать.

— Жемчужина, что исполняет желания. — Вейн листал страницы с голодным блеском, который должен был насторожить Дэймона ещё тогда. — И твой дед видел её собственными глазами?

— Она не исполняет желания, капитан. Это дар. Взять её силой — значит навлечь проклятие на всех.

— Тогда, — сказал Вейн, улыбаясь, — мы не будем брать её силой.

Дэймон поверил ему. Все поверили — потому что долги душили их, а надежда была дешёвым товаром, и рассказ Дэймона был единственным, что было в наличии. Через три месяца плавания Вейн научил его читать звёзды без секстанта, делился ромом, называл его «сынок» чаще, чем осиротевший с младенчества Дэймон умел от этого защититься.

Он ни разу не заметил, что дружелюбие было сетью, медленно затягивающейся.

IV. Последняя хорошая ночь

Был один вечер, за неделю до острова, который Дэймон будет прокручивать в памяти всю оставшуюся жизнь — не потому, что тогда что-то случилось, а потому, что не случилось ничего, и это отсутствие само по себе было предупреждением, которое он был слишком юн, чтобы прочесть.

Вейн в ту ночь поделился ромом без просьбы, рассказы-

вал истории о портах, которых Дэймон никогда не видел, смеялся над его шутками, будто они и вправду были смешными. На несколько часов, сидя на палубе под небом, густым от звёзд, Дэймон позволил себе поверить, что нашёл семью, которую море так и не удосужилось ему дать.

— Ты напоминаешь мне одного человека, — сказал Вейн где-то за полночь, голос смягчённый ромом и чем-то, что Дэймон тогда принял за чувство. — Более молодую версию человека, которого я знал. Он тоже верил, что мир ему что-то должен, — пока не перестал верить.

— Что с ним случилось?

— Он узнал, что единственные долги, которые мир и правда выплачивает, — те, что ты взыскиваешь сам. — Вейн улыбнулся тогда — Дэймон запомнил эту улыбку отчётливо, годы спустя, когда научился узнавать её истинную природу. Не тепло. Репетиция. — Поспи, парень. Завтра важный день, если дедова карта стоит бумаги, на которой нацарапана.

В ту ночь Дэймон уснул счастливее, чем когда-либо со смерти деда, уверенный, что нашёл капитана, за которым стоит идти куда угодно.

Он ни разу не спросил себя, почему человек, два года почти не разговаривавший с ним, вдруг решил именно в ночь перед легендарным сокровищем стать добрым.

V. Ночь предательства

Остров поднялся из тумана точно так, как обещала тетрадь, — мангровые заросли, светящиеся в темноте цветы,

хижина у самой воды.

Тайра встретила их так, будто ждала именно этого визита сорок лет.

— Внук человека, что просил только знания, — сказала она, разглядывая Дэймона. — Чего просишь ты?

— Благословения на наши корабли, богиня. Справедливой доли в торговых путях. Мы принесли дары. Не просим ничего сверх твоей воли. — Слова, которые они с Вейном репетировали всё плавание.

Тайра рассмотрела резную кость и редкий шёлк, положенные к её ногам, кивнула и покрыла алтарь тонким слоем светящейся пены. Именно тогда Дэймон впервые увидел жемчужину — свет, свёрнутый сам в себя, покоящийся в раковинной чаше на алтаре.

Он не заметил, как рука Вейна легла на рукоять сабли.

Всё закончилось прежде, чем Дэймон успел выкрикнуть предупреждение. Вейн выхватил жемчужину прямо из-под благословляющей руки богини и отшвырнул юношу, бросившегося остановить его, к каменной стене так, что рассёк бровь — шрам останется на всю жизнь.

— Прости, старина, — сказал Вейн, даже не глядя на него, зачарованный жемчужиной в кулаке. — Но я слишком долго ждал, чтобы делить это с богиней. Или с командой.

Тайра поднялась, и всё, что делало её похожей на человека, слетело прочь: то, что встало на его месте, было высотой с грозовую тучу, с глазами чёрными, как глубочайшая впа-

дина.

— Ты нарушил дар доверия, капитан Вейн. — Сам остров, казалось, вздрогнул от её голоса. — Твоя команда смотрела и не сделала ничего. Она разделит твоё наказание.

VI. Проклятие и глубина

Дэймон слышал эти крики с палубы «Кровавого Прилива» годами после — во сне: люди, застывшие на середине движения, плоть, медленно сползающая в нечто среднее между живым и утопленником.

Он был без сознания у алтаря и пропустил первую волну, но не избежал её полностью — очнувшись, обнаружил на предплечье то же серебристо-голубое мерцание, которое Аврелия увидит двадцать лет спустя при полной луне.

Вейн, почувствовав, как его собственное проклятие начинает кусать, не терял времени на горе. Он хотел, чтобы свидетели исчезли.

— Ты видел слишком много, парень, — сказал он и отдал приказ выбросить бесчувственного Дэймона за борт в пяти милях от берега. — Пусть море решит, простить тебя или нет. Богиня уже решила за остальных.

Дэймон так и не узнал, сколько часов провёл, цепляясь за обломок мачты, прежде чем тьма начала сгущаться уже навсегда. Он помнил фонарь. Грубые руки, вытаскивающие его в рыбацкую лодку.

— Ну и ну, — сказал человек, который станет для него самым близким подобием семьи на следующие двадцать лет.

— Не самое обычное место для купания, парень.

Это был Джонас.

VII. Рождение капитана

Джонас выхаживал его три месяца — сперва тело, потом ту часть, что только что узнала: человек, которого он почти полюбил как отца, способен продать его, не моргнув глазом.

— Что теперь? — спросил Джонас однажды вечером, наблюдая, как Дэймон в сотый раз перечитывает тетрадь.

— Теперь я это исправлю. Не только ради себя. Ради всех, кого Вейн проклял своей трусостью.

Пятнадцать лет ушло на то, чтобы построить репутацию, достаточную для собственного корабля — сперва украденный баркас, переименованный в «Ночную Тень», в честь ночи, что забрала всё и взамен дала нечто иное; затем команда из отверженных и беглецов, среди них Роза — девушка, которую он выкупил у работорговцев в порту, который позже назовут Портом Разбитых Клятв, в честь всех предательств — включая его собственное, — что были когда-либо скреплены на этих причалах.

Ещё пять лет слухов, редких книг и обрывочных воспоминаний старых моряков — чтобы узнать: последний ключ к проклятию Тайры покоится на груди принцессы, чья прабабка однажды отвергла мольбу его деда.

Когда он наконец увидел лицо Аврелии в придворном объявлении о её предстоящей свадьбе, он ожидал почувствовать жадность. Вместо этого он почувствовал нечто более

похожее на узнавание — будто встретил впервые незнакомку, которую уже знал всю жизнь.

Он дождался подходящей ночи. Потом взял то, за чем пришёл.

Глава 4. Порт Разбитых Клятв

Через три дня они бросили якорь у острова, который каждый моряк южных вод знал под одним именем: Порт Разбитых Клятв. Закон короны сюда не доходил. Единственным законом было золото и то, как быстро ты можешь поднести нож к чужому горлу.

— У каждого порта дома есть покровитель, — сказал Дэймон, пока баркас резал воду к докам. — Какой-нибудь святой, старая байка о капитане, что никогда не терял корабль. Покровитель этого порта — долг, который никто так и не выплатил. По легенде, купец поклялся самому Реестру прямо на этих причалах — и нарушил клятву в течение часа. Реестр, оскорблённый настолько, что не стал утруждать себя, просто перестал вести здесь счета вовсе. Долги здесь не взыскиваются. Обещания не исполняются никем, кроме того, у кого нож острее. Вот почему закон короны тоже сюда не дотягивается. Даже королям нужен старый учёт, чтобы подкрепить свою власть, а здесь его взять неоткуда.

— Значит, здесь беззаконие, потому что само море отказалось от этого места.

— Более или менее. — Он не выглядел от этого несчастным. — Это делает его единственным честным портом архипелага, по-своему. Здесь никто не притворяется, что должен тебе то, за что ты уже не заплатил вперёд.

Аврелия впервые в жизни сошла на берег без стражи и золотых цепей, и её поразила не грязь, не шум и не вонь рыбы и дешёвого рома. Её поразило, насколько легче стал воздух.

— Держитесь рядом, — сказал ей Дэймон, — и не смотрите людям в глаза дольше секунды. Здесь это считается либо вызовом, либо приглашением, и вы не захотите узнать, каким именно, по ошибке.

Невысокая женщина с огненно-рыжей косой и абордажным крюком вместо левой руки встретила их между двух таверн.

— Роза! — Впервые за всё плавание Дэймон улыбнулся — по-настоящему.

— Слышала, ты выкрал себе принцессу. — Роза оглядела Аврелию с ног до головы. — Могло быть хуже, капитан. — Она наклонилась ближе, заговорщически. — Если он когда-нибудь начнёт вести себя как осёл, ударь его прямо сюда. — Она постучала себя по подбородку. — Работает без осечек. Проверено лично.

Аврелия рассмеялась прежде, чем успела остановиться, — первый настоящий смех с той ночи в бальном зале.

Роза, как оказалось, сама когда-то была пленницей, купленной Дэймоном пять лет назад, и с тех пор оставалась на борту — не проектом спасения, а полноправным членом команды. Что-то в ней успокоило Аврелию. Если пиратский капитан способен на такое ради одной женщины, возможно, не все его разговоры о проклятиях и судьбе были ложью.

Она увидела, как это тепло скисает в нём меньше чем через час, на том же причале, и поняла — с маленьким, холодным толчком, — что встретила ещё не всего человека. Худой, взмокший торговец схватил Дэймона за рукав у лавки корабельного поставщика — что-то о долге, о плохом сезоне, о детях, что останутся голодными, если капитан не простит должное. Дэймон не повысил голос. Не нужно было.

— Ты продал Джонаса за сезонное жалованье людям, что выпотрошили бы его за один плащ, — сказал он, любезно, как обсуждают погоду, — а теперь хочешь, чтобы я забыл об этом, потому что погода повернулась и против тебя. Нет. — Он произнёс это слово так, как другой человек поставил бы на стол стакан — окончательно, без жара. — Найди монету в другом месте.

Торговец побледнел и отступил, а Дэймон отвернулся от него на полувдохе, уже улыбаясь чему-то, что сказала Роза, — снова тёплый, будто дверь просто открылась и закрылась. Аврелия смотрела на него весь оставшийся путь до таверны, пытаясь примирить человека, что сместился всем телом, чтобы прикрыть её от брызг, с тем, что только что увидел чужой страх и явно не почувствовал ничего вовсе.

— Не смотрите на меня так, — сказал Дэймон, не поворачивая головы, каким-то образом всё же заметив её взгляд. — Я не два человека, Аврелия. Я один. Капитан не может быть добрым и справедливым в одно и то же время каждый раз. Иногда этот долг — единственное, что держит двадцать

других людей сытыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.